

Анжелика Салтанова родилась 23 февраля 1993 года в селе Покровское Неклиновского района Ростовской области. Окончила РГТЭУ по специальности «Туризм и гостиничное хозяйство». Член Союза писателей России, член Международного союза писателей и мастеров искусств. Поэт, прозаик, переводчик. Председатель Общественной организации «Местная национально-культурная автономия «Белорусы Неклиновского района». Организатор культурно-образовательного проекта «Берега дружбы». Живёт в городе Ростове-на-Дону.

Анжелика Салтанова
г. Ростов-на-Дону

...и пожар в груди не потушить.
Милый, прикури мне сигарету.
Мы с тобою оба хороши,
как две стороны одной монеты.

Кто есть кто – неважно. Ведь пока
на себя тянули одеяло –
ни на миг не дрогнула рука.
Только... что-то важное пропало.

В нервной суете осенних дней,
в городе, наполненном мечтами,
мы друг другу делали больней,
мы друг друга ранили... словами.

Помнишь, было время... Было, да.
Прежних нас не стало где-то между
Театральной и Левобережной,
потерялось наше «навсегда»...

Кто бы знал

Я волной разобьюсь о скалистый берег
и снова в море.

Мы привыкли друг другу, по-детски, верить,
но чаще – спорим.

Мой отважный рыцарь, что с нами стало?
Ушли драконы.

Вместо окон замка – огни кварталов
газобетонных.

Где теперь твой меч? Заржавели латы,
и конь спокоен.

Из простых чудес – только день зарплаты.

Бесстрашный воин
променял на деньги любовь и доблесть.

Мне видеть больно:
не способен был на обман и подлость,
но добровольно
ты впустил в себя все грехи земные.

Ты им покорен.

Мы теперь чужие. Совсем чужие.

И кто виновен?

Я молюсь богам, но не слышат боги
моей молитвы.

Кто бы знал какие внутри двуногих
ведутся битвы.

Она обнимала

*«Если долго смотреть на девушку,
можно увидеть,
как она выходит замуж».*

Мы были в кафе. Я смотрел на её

спокойные нежные руки.
Но не представлял, как стирает бельё,
а видел: прекрасные звуки
летят из-под пальцев в небесную синь.
Как птицы, стремятся к свободе.
Я слышал осенний пронзительный сплин,
в протяжных аккордах природы.

Она улыбалась, как солнце с утра,
готовила завтрак неспешно.
Порывистый ветер крепчал во дворах
и рвал на прохожих одежду.
А мы за стеклом целовали детей,
глинтвейн разливали в пижамах.
Я с каждой минутой влюблялся сильнее
в веснушки, ресницы и шрамы...

Мой кофе остыл. Я смотрел на неё,
но был одинок и не нужен.
Тянулось за окнами ввысь вороньё, –
она
 обнимала
 мужа.

...и где ты сейчас, хороший мой,
кому наливаешь чай?..
Уносит по рельсам в прошлое
меня в этот миг трамвай
и кажется, что вчера ещё
мы были. Мы были... Мы?
Остыло во мне пожарище,
но демонов подкорми –
и снова горит, проклятое,
бушует, болит и жжёт...
Я снова кричу и падаю,

я снова кричу и вот –
ладони мои сжимаются
на горле. И гаснет крик.
И что-то в груди ломается,
ломается, как тростник.
И кто-то твердит навязчиво:
«Пройдёт, это всё пройдёт...».
Но как потушить горящего,
который опять зажжёт?..
Ведь сердце его усталое –
негаснувшая свеча.
Уносит трамвай в то прошлое,
где мне наливаешь чай.

А. В.

Я застыла у входа, не сделав последний шаг –
за порогом меня ожидала земная смерть.
Я боялась дышать – заставляла себя дышать.
Я хотела уйти – не могла перестать смотреть.
Искривлённое в муке, чужое теперь лицо,
устремлённый в безвременье мутный потухший взгляд
и ладонь на груди, словно сердце слепым птенцом
пробивалось наружу.
Мне слышалось как трещат
под сведёнными пальцами рёбра, как рвётся жизнь.
В этой комнате всё ещё бился последний вздох.
За холодными окнами звезды-глаза зажглись,
наблюдая за нами.
Казалось, что смотрит Бог.
Я стояла у входа. Минуты текли смолой.
Тот сентябрьский день мне из памяти не стереть:
я смотрела и видела – вот ты лежишь живой,
а мгновенье спустя тебя обнимает смерть.

В бабушкиных объятьях
мне ничего не страшно,
Пусть завывают волки,
пусть веселятся ведьмы.
Милый дракон не дремлет, –
он охраняет башню,
я в ней – важна,
дороже
прочих богатств несметных.
Вновь оживают сказки –
я окунаюсь в детство,
там зеленеют листья,
травы в полях, колени,
там поцелуй –
от боли
лучшее в мире средство.

Мне бы найти сегодня
пять лепестков сирени
чтобы туда вернуться
хоть на одно мгновенье...

Ждать

На пальцах твоих, родная, видны годовые кольца,
и лёгкая сеть морщинок вокруг бледно-серых глаз.
Мне в детстве всегда казалось – меня обнимает солнце
что лечит любые раны. Я чувствую нашу связь
и в эти, почти-что тридцать, без малого, долгих лет.
Ты мне очень редко снишься. Теперь обнимает плед.

Я помню, всегда мечтала, что вырасту аж до неба
и буду большой и сильной, и буду тебя хранить.
А ты улыбалась нежно, шептала, что это – небыль,
что люди растут недолго, и вот бы тебе дожить

до первых седин у внучки, до правнуков, до весны...
Во снах почему-то редко я вижу твои черты.

И лето теряет краски, и солнце печёт – не лечит.
А я подросла, но видишь, до неба мне не достать.
Но голосом, милым сердцу, мне ветер порою шепчет:
«Когда ты получишь крылья, я буду тебя там ждать...».

Верю

Лидии Салтановой

Я верю, ты видишь – качаю малютку сына,
пою колыбельную, нежно к себе прижав.
Пусть в холоде ночи горячее солнце стынет,
в груди у меня не стихает душевный жар.

И мне бы тебя отогреть, хоть на миг услышать,
увидеть себя в отражении серых глаз.
Твой образ на сердце божественной дланью вышит,
и время не в силах разрушить такую связь.

Я верю, ты видишь – растёт по часам твой правнук,
улыбка его освещает ненастный день.
А я замечаю при свете столбов фонарных
что возле окна притаилась родная тень.

Я тихо пою о любви, о семье, о доме,
к рукам материнским доверчиво льнёт малыш.
Я нежность касаний твоих по-прежнему помню,
и знаю, что нашу семью ты незримо хранишь.

Папе

...мне б единственный раз окунуться в твои объятия,
и пусть мир замолчит, только сердце в моей груди
будет громко стучать. И момента такого ради
я смогу пережить всё, что выпадет на пути.

Посмотри: я взошла, проросла, как весной подснежник,
расцвела без тебя и познала людскую жизнь.
Но дано ли изведать отцовско-слепую нежность,
и услышать: «Я рядом. За руку мою держись»?..

Между нами – лета. Между нами – одна дорога,
но куда приведёт – знает только премудрый Бог.
Он ведь нас разделил, так бесхитростно и жестоко,
только в памяти хрупкой ты имя моё сберёг.

Моему другу, Михаилу Ж.

Отче наш, помоги не сойти с ума
проводя двухсотых взглядом. Вчера сидели,
говорили о том, как меняет людей война,
а сегодня легли на выходе под обстрелом.
Я за них опрокину стакан до дна.

Горький дым оседает на языке,
на НП вместо нас заступает другая смена.
Миномётная очередь слышится вдалеке,
под ногами зияет огненная геенна.
Горсть земли остаётся в моей руке.

Отче наш, сохрани в храбрых душах свет,
не позволь осквернить ни Землю мою, ни Слово.

Непосильная ноша не сломит стальной хребет
если вера внутри пылает огнём суровым.
Я бесстрашно судьбе улыбнусь вослед –
и она обернётся молча с лицом Христовым.

Ночью ветер поёт иначе,
С тихой нежностью треплет косы.
Отчего ты, родная, плачешь?
По кому проливаешь слёзы?
Это время такое, знаешь,
Не сбежать от него, не скрыться.
Ну куда ты идёшь босая?
Видишь полосу?
Там граница.
Разделяет людей и чувства,
Чистит зёрна от горьких плевел.
Ну зачем тебе в то безумство,
Там сломают твой нежный стебель,
Там ты станешь густой крапивой,
Клещевиной, чертополохом.
Не пытайся казаться сильной,
И не бойся сказать, что плохо.

Ночью ветер поёт о боли,
Гладит волосы до рассвета.
Он сказал, что вернётся вскоре.
Очень хочется верить в это.